

УДК 159.923.2

ГРНТИ 15.01.11

ОТ ИДЕИ РЕФЛЕКСА К ИДЕЕ СУБЪЕКТА

Осницкий Алексей Константинович

Москва, ФГНБУ «Психологический институт РАО» НОУ ВПО

Московская гуманитарно-техническая академия, Россия, г.Москва

osnizak@mail.ru

Материал подготовлен при поддержке РГНФ 15-06-00052 и 13-06-00689

Аннотация

Обсуждается переход от методов исследования детерминации поведения через изучение рефлексов к изучению личностных и субъектных механизмов самодетерминации активности человека. Рассматривается деятельность как проектируемый и сознательно организуемый вид активности. Духовность интерпретируется как осмысление деятельностных и личностных проявлений человека.

Ключевые слова: рефлекс, реактивность, импульсивность, субъектная активность, самоопределение личности, индивидуальность, духовность.

Взирая из XXI века на разрешение основных проблем психологии в XIX и XX веке, невольно восхищаешься целеустремленностью поисков ранее неизведанного и попытками прояснить столь трудную для исследования реальность – реальность психического. Восхищаешься И.М. Сеченовым, впервые заговорившем не о стимуле, а о сигнале, включавшем (объединившем в себе) и чувство и регуляцию поведения, что заложило основы изучения не только регуляции, но и саморегуляции. Невольный пиетет испытываешь перед И.П. Павловым и В.М. Бехтеревым, пытавшимися сделать объективными методы изучения поведения и психологических особенностей поведения животных и человека и также усматривающих в условных или сочетательных рефлексах моменты саморегуляции. Бесценен труд Н.А.Бернштейна,

утверждавшего, что даже самые простые движения человека предполагают сенсорные коррекции; что в мозговых механизмах кодируется не траектория движения, а задача движения; что сами движения и их целесообразность могут требовать уровней регуляции различной сложности. Не менее значимы работы П.К.Анохина о функциональных системах (о них много ранее сказал В.М.Бехтерев) и попытке укрупнить звенья регуляции при анализе. Эти направления исследования были ориентированы на поиск большей объективности в исследовании поведения. Заданная предшествующими философами методология различения идеального и материального, субъективного и объективного мешала стыковке физиологического и психологического знания о поведении человека.

И поистине революционными в системе знания стали работы психологов и философов, заявившие о единстве реального и идеального, объективного и субъективного в поведении человека, в феноменологии как отдельных психических процессов, так и всей психики в целом (С.Л. Рубинштейн). Приходится удивляться как официальная прямолинейная философия того периода мирилась с этим в то не простое время. Принцип самостоятельности как принцип развития человека, провозглашен С.Л. Рубинштейном в 1922 году. Принцип единства сознания и деятельности – в 1936. И совершенно четкая категория «проектирования», разграничившая деятельность и то поведение человека, которое роднит его с поведением животных. Не просто сознание, а проектирующее сознание становится водоразделом между психикой человека и психикой «умного» животного. И отечественные разработки понятия субъекта и личности Б.Г. Ананьевым, С.Л. Рубинштейном, а позднее А.Н. Леонтьевым. По сути дела, это отклик на работы философов, суть которых выразил А.Ф. Лосев, сказав, что личность есть единство субъекта и объекта. Существенную подвижку в разработке этих понятий дал Б.Г. Ананьев, предложив дифференцированный подход к исследованию человека и его проявлений и подчеркнув неоднозначность изучения человека как индивида (природно обусловленного существа), субъекта (существа деятельного,

сознающего свои возможности и накапливающего опыт преобразующей активности по отношению к окружающему его миру) и личности (существа, вступающего в отношения с другими людьми и предметным миром ими созданным, приобщающегося к ним). Пристальным вниманием к развитию ребенка и формированию у него собственно человеческих психических средств: произвольности и сознания и обусловленности их развития культурно-историческими условиями стала теория Л.С. Выготского. Его же концепция знаковой опосредствованности сознания, существенно отличалась от моделей сознания, порожденных структурализмом и функционализмом предшественников, способствовала постижению онтологической модели сознания как "со-знания". Впоследствии на этой основе было положено начало исследованию индивидуально-личностных процессов понимания, осмысления и переосмысления.

Между представителями разных направлений исследования возникали споры, разногласия – люди большие мастера портить взаимоотношения, к тому же их социальная природа предполагает не только содействие, но и конкуренцию и всегда находятся желающие подбросить дров в костер разногласий. Но все они так или иначе способствовали постижению специфики человеческой психики, постижению основ развития человеческих отношений, несмотря на существеннейшее ограничение в возможности понимания и осмысления всего того, что связано с психической активностью человека (Станислав Лем сказал как-то, что ни одному астроному не придет в голову изучать телескоп с помощью телескопа, а психолог только этим и занимается). Человек ограничен в понимании происходящего с ним и окружающим миром тем, что не имеет возможности даже в рефлексии выйти за пределы сферы своего понимания (лицом к лицу – лица не увидеть). Именно это ограничение препятствует и дальнейшему развитию целостного (системного) подхода постольку, поскольку еще не выработано человеческой практикой средств синтетического познания (М. Месарович), до сих пор все открытия происходят в результате инсайта, озарения.

Вернемся к предмету нашего обсуждения. Поиски объективности в исследовании, благодаря И.М. Сеченову, В.М. Бехтереву, И.П. Павлову и другим исходили из свойственного тому времени прямолинейного представления о субъективном и объективном. Дальнейшие исследования Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и многих других, во-первых, выявили единство человеческой практики и психического; во-вторых, показали, что мы живем в очеловеченном мире, где все окружающее так или иначе поименовано человеком (вспомните революцию в сознании ребенка, когда он открывает для себя, что каждая вещь, каждое явление имеет свое название – К. Саган); и в-третьих, что развитие человека, это не столько усвоение образцов поведения человека, сколько открытие для себя в множественной неопределенности бытия специфически человеческих возможностей ее преодоления. Подражание также возможно, но уже тогда, когда у ребенка (да и у взрослого человека) сформированы средства подражания и средства оценки, чему можно подражать, а чему не следует. Ребенок с помощью взрослого овладевает сферой преобразующих действий, которые формируются не только в связи с потребностями ребенка, но и в связи с потребностями окружающих. Кроме того действия ребенка часто имеют не только прямые но и побочные эффекты, не ускользающие от его внимания. Мы мало еще знаем о собственных закономерностях протекающей психической активности (и далеко не всегда ее можем отождествить с деятельностью), но имеем возможность отследить проектируемые и реально осуществляемые в практике действия и по необходимости что-то подправить в них. Формируемая в процессе обучения и социализации рефлексия помогает подрастающему и взрослому человеку овладеть технологией проектирования, организации и осуществления деятельности. И человек с малых лет овладевает субъектной активностью в построении деятельности, сначала по самообслуживанию, затем в учебной и практической совместной с другими деятельности, выступая в ней и сценаристом, и драматургом, и режиссером, и актером, и зрителем. Целеполагающая, проектируемая и осознаваемая активность, т. е. деятельность,

становится ведущим видом активности человека, наряду с реактивным и импульсивным поведением, непосредственно, связанными со сферой потребностей человека. Импульсивное поведение в случае каких-либо затруднений, возникающих в связи с удовлетворением потребностей, часто опять же превращается в деятельность по извлечению или созданию предмета потребности. На этом основании до сих пор делается вывод о чрезвычайной важности мотивации в организации и осуществлении деятельности.

Но, чем бы ни занимался человек, с малых лет он находится в окружении других людей, в окружении предметов культуры, созданной многими поколениями предшественников. Поэтому личностный уровень анализа человека связан с исследованием множественного самоопределения человека в окружении и отстаиванием своих позиций в нем. Поэтому, что бы не делал человек, если его поведение связано с поведением других людей – обнаруживается его позиционность, связанная с пониманием и осмысленностью происходящего. В.М. Бехтерев неоднократно отмечал, что психические заболевания – это болезни личности. Нетрудно заметить, что осознанное самоопределение личности, тоже связано с субъектной активностью, с проектированием и предрасположенностью.

В индивидуальных формах поведения преобладает действительно реактивность, т. е. рефлекторные формы движений и действий. Но уже на импульсивном поведении животных и человека была отмечена пластичность инстинктивного поведения, вариативность приспособления его к условиям среды. А уж когда речь заходит о деятельности детерминация по мере усложнения деятельности постепенно уступает место самодетерминации – самоуправлению человека. Влияние потребностей, интересов, установок, убеждений перекрывается более высокими уровнями организации их взаимодействия – направленность личности и осознанная саморегуляции субъектной активности. И управляет поведением человека список целей, намеченных им на тот или иной промежуток времени и средства самоорганизации, сформированные к этому моменту. И человеку остается не

столько приспосабливаться к окружающим обстоятельствам, сколько формировать новые средства их освоения.

В индивидуальности, по Б.Г. Ананьеву, интегрированы индивидуальные, субъектные и личностные свойства человека в уникальном, одному ему свойственном сочетании. И, по нашему мнению, индивидуальностью, не столько отстаивается, как утверждает А.Г. Асмолов, сколько согласуется решение задач на разных уровнях организации (задачи выживания и продолжения рода, задачи успешного осуществления деятельности, задачи самоопределения), от чего, естественно, зависит ее функциональное состояние, т.е. психическое благополучие человека.

Осмысление деятельностных и личностных проявлений человеком, по сути дела, и составляет его духовность, мир его переживаний. Существо духовности составляет позиционирование в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживаниях и их смысловом оформлении:

- проявлений на уровне детерминации – сильнейшие душевные потрясения и переживания, вызываемые реальными событиями, реальными "открытиями" человека, ранее и в течение всей жизни, мало задумывающегося по поводу происходящего вокруг него (первичной рефлексии, непосредственной духовности);

- проявлений на уровне самодетерминации – углубленных собственной рефлексией и чувствами, связанными с поисками смыслов, интерпретацией окружающей нас реальности, бытия человека (вторичной рефлексии, опосредствованной духовности);

- надежд и переживаний, связанных с религиозной верой

- сильно переживаемых видений, озарений – мистической духовности, открывающейся немногим.

Более высокие уровни рефлексии часто порождаются не только в процессе духовного поиска, но и в процессе столкновения с экстремальными событиями жизни, критическими периодами личностного развития.

Нередко духовное возрождение связывают только с приверженностью к той или иной религии. В корне неверно. Во-первых, конфессии не призывают к единству, различаясь в своих основных постулатах, часто настаивая на своих приоритетах. Во-вторых, духовность не может быть ограничена лишь сферой религиозных догматов. Жизнь человека значительно богаче по интересам, склонностям и убеждениям и насквозь пронизана человеческими отношениями и отношением его к природе. Человечность обнаруживается не только в слепом следовании религиозному догмату, но иногда и в противодействии ему.

Как сочетается идея рефлекса и идея субъектности? Являются ли они несовместимыми или все же их можно примирить в общем процессе психического регулирования поведения человека? Ответ, исходя из вышеизложенного достаточно определенный: если мы имеем дело с активностью человека в реактивном и импульсивном поведении, мы обнаруживаем множественное разнообразие рефлекторных проявлений и расписываемся в уважении к мудрости природы, оснастившей наш организм столь сложными функциональными системами, обеспечивающими сложное приспособительное поведение в среде с множественной неопределенностью.

Когда речь заходит о деятельности человека, прямо зависящей от его потребностей (начинающейся с импульсивного поведения) в расчет, естественно, нужно брать и сферу потребностей (и связанную с ней мотивацию) и усвоенные человеком закономерности организации деятельности (т.е. уровень развития субъектной активности).

Но когда речь идет о видах деятельности, отчужденной от непосредственного проявления потребностей, естественно, на первый план выступает субъектно организованная целеполагающая активность, относительно независимая от мотивационной сферы организмического характера и первую скрипку начинают играть направленность личности и сформированность саморегуляции.